

ПИСЬМА ИЗЪ СИБИРИ.

I.

Находясь въ предѣлахъ Сибирскаго военнаго округа, я, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, выпавшимъ на мою долю, имѣлъ возможность въ достаточной степени познакомиться съ обширной территоріей, входящей въ составъ этого округа. И дѣйствительно: дистанція отъ Тобольска до Чугучака, измѣряемая не одною тысячею верстъ, смѣло можетъ быть причислена къ дистанціямъ «огромнаго размѣра» если къ этому прибавить значительныя уклоненія въ сторону отъ означенной линіи, Обь, Барнаулъ, Зайсань, то и выйдетъ, что въ общемъ вся площадь, на которой пришлось поѣздить, быть можетъ превзойдетъ собою площадь Франціи, Германіи и вообще любой европейской державы.

Конечно, во время этихъ поѣздокъ пришлось встрѣтиться съ интересными людьми, пришлось выслушивать ихъ интересные рассказы, пришлось видѣть мѣста, дивныя по красотѣ и достойныя

изученія геологовъ и археологовъ; вообще много, много интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ пришлось видѣть и слышать, какъ и всегда это, между прочимъ, бываетъ со всякимъ человѣкомъ, коль скоро онъ входитъ въ близкое общеніе съ людьми и съ природою; послѣдняя вѣдь книга съ вѣчно раскрытыми страницами, на которыя вотъ уже въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій устремлены глаза человѣка. И не могутъ эти глаза до сихъ норъ разобрать и понять ни одной изъ великихъ тайнъ, записанныхъ на страницахъ этой книги невѣдомыми пока для человѣка буквами.

Отчего же не подѣлиться своими впечатлѣніями съ читателемъ, тѣмъ болѣе, если принять во вниманіе, что вообще какъ-то объ этихъ мѣстахъ маловато пишутъ и говорятъ.

Но съ чего же начать? Вотъ, напримѣръ, уголокъ между М. Какпекты, Зайсаномъ и Чугучакомъ; здѣсь распростерлись огромныя долины: Зайсанская, Эмельская, Чиликтинская, протянулись могучіе хребты: Сауръ, Манракъ и Тарбагатай; здѣсь высится чудная по своимъ очертаніямъ гора Караджалъ, которая, какъ громадный шатеръ, съ незапамятныхъ временъ красуется среди полного безмолвія окружающей ее мѣстности; здѣсь плещется о пологій берегъ волна Зайсанскаго озера; то тихо и нѣжно шепчетъ она въ теченіе тысячелѣтій таинственную сказку о пережитыхъ ею временахъ глубокой древности, то глухо реветъ она и стонетъ, разбиваясь сѣдою пѣною о берегъ, какъ бы плача въ безысходной тоскѣ, то чуть замѣтно колышется, качая на своей гладкой поверхности бѣдные рыбацкіе челны и отражая въ себѣ и чистое лазурное небо, и туманные силуэты далекаго Алтая, и бѣлый парусъ рыбацьяго челнока. Хорошо здѣсь! Воздухъ чистъ, просторъ безконеченъ. А люди? Это дѣти—наивныя, въ большинствѣ случаевъ, добрыя и симпатичныя; еще почти не тронутыя глетворнымъ вліяніемъ цивилизаціи, они пасутъ свои стада среди безконечнаго простора и знаютъ того Бога, которому такъ хочется молиться среди этой мирной тишины.

Если вы поѣдете изъ Устькаменогорска въ Зайсанъ, и будете ѣхать лѣтомъ, то вамъ придется проѣхать верстъ 150 среди чудной горной мѣстности. Горы здѣсь безлѣсны; онѣ то скалисты, то пологи, среди нихъ находится много долинъ, безлюдныхъ и молчаливыхъ. Не знаю, будутъ ли эти горы и эти тихія долины красивѣе, когда на нихъ поселится человѣкъ, но и теперь онѣ безконечно прекрасны. На нихъ зеленѣетъ трава, растутъ цвѣты и ихъ

колышетъ вѣтерокъ—и никто ихъ не трогаетъ, никто не тревожить. А ночью какъ здѣсь хорошо! Луна озаряетъ эти безмолвныя горы и долины своимъ нечальнымъ свѣтомъ; звѣзды «съ нѣжною тоскою» глядятъ съ безконечной высоты; туманъ таинственнымъ саваномъ стелется надъ сонно-журчащимъ ручьемъ и невольно припоминается: «Горныя вершины спятъ во тьмѣ ночной; тихія долины полны свѣжей мглой. Не пылитъ дорога, не шумятъ листы. Подожди немного, отдохнешь и ты». Красота, доступная нашему земному пониманію есть только чуть слышное эхо дивной небесной гармоніи—и каждый изъ насъ рано или поздно, но будетъ въ состояніи улавливать звуки этой гармоніи. «Подожди немного, отдохнешь и ты»....

Вотъ вы пріѣхали на послѣднюю станцію передъ Какпектами. Одиноко она пріютилась среди узкой долинки, сдавленной по бокамъ скалистыми безлѣсными горами. Въ нѣдрахъ этихъ горъ много золота. Тутъ и тамъ въ окрестностяхъ станціи есть пріиски, которые, какъ говорятъ, ведутъ свои дѣла очень хорошо. Одинъ изъ этихъ пріисковъ расположился, какъ разъ на дорогѣ, верстахъ въ 5, не доѣзжая до станціи. Принадлежитъ онъ одному изъ обывателей Какпекты, сколотившему, благодаря этому пріиску, изрядный капиталецъ. Пріискъ оборудованъ очень неважно: пара массивныхъ и наполовину деревянныхъ бѣгуновъ катается по дну огромнаго чугунаго таза и дробитъ въ муку золотоносные комья и камни; сюда же, въ этотъ чугунный тазъ, рабочій постепенно подсыпаетъ золотоносную землю, которая кучей сложена тутъ же. Тотъ же рабочій время отъ времени подливаетъ изъ пузырька подъ бѣгуны ртуть, которая лучше отдѣляетъ золото. Въ тазъ проведена вода, которая и дѣлаетъ свое дѣло, смѣшиваясь подъ бѣгунами съ землею и вытекая по широкому, снабженному поперечными углубленіями, жолобу. Бѣгуны приводятся въ движеніе парюю лошадей, подгоняемыхъ мальчишкой-киргизомъ. Вотъ и все оборудованіе этого пріиска. Управляющій пріискомъ очень любезный господинъ; онъ готовъ показать вамъ не только все, что вамъ покажется интереснымъ на пріискѣ, но познакомить васъ даже съ своими конторскими книгами, и изъ этихъ книгъ вы убѣдитесь, что каждый день здѣсь, несмотря на такія примитивныя приспособленія, намывается отъ $\frac{1}{2}$ фунта до фунта съ нѣсколькими золотниками чистаго золота. Можно хорошо вести свои дѣла при такой добычѣ!

Выработанное въ теченіе сутокъ золото старательно собирается и изъ него получается блестящій серебристый комокъ, мягкій, какъ тѣсто. Это ртуть, смѣшавшаяся съ золотомъ. Если вы возьмете кусокъ этого тѣста и начнете растирать его между пальцами, то почувствуете, что въ немъ содержится множество какихъ-то мелкихъ крупинокъ: это и есть золото.

Необходимо удалить ртуть, чтобы получить чистое золото. Вы думаете, что для этого здѣсь имѣются какія-либо особыя приспособленія съ химическими препаратами? Напрасно: ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Имѣется только простая жаровня, старая и прожженная, такая же самая, на которой въ какой-нибудь Смоленской или Тамбовской губерніи мелкопомѣстная помѣщица у себя въ садикѣ варить варенье; имѣется еще желѣзная сковорода—вотъ и всѣ приспособленія, если не считать нѣсколькихъ сухихъ прутьевъ, которые для этого «торжества» успѣлъ наломать тутъ же тотъ самый мальчикъ-киргизъ, который важно передъ этимъ сидѣлъ на вагѣ и совершалъ круговыя путешествія, подгоняя кнутомъ лошадей, приводящихъ въ движеніе бѣгуны.

Въ жаровнѣ разводится огонь, ставится сковорода, на нее кладется тѣстообразный комокъ золота и начинается «священнодѣйствіе». Управляющій и конторщикъ смотрятъ на эту операцію совершенно спокойно: они уже заранѣе на глазъ опредѣлили выручку съ точностью одного золотника. Мальчишка-киргизъ относится болѣе участливо къ этой операціи: онъ разинулъ ротъ и распустилъ слюни отъ ожиданія. И лишь только напоминаніе о томъ, что надо подложить въ жаровню прутьевъ выводитъ его время отъ времени изъ философски созерцательнаго настроенія.

Ртуть, наконецъ, испарилась и на сковородкѣ оказывается поздраватая и совершенно желтая лепешка, какъ двѣ капли воды, похожая на яичницу. Когда эта «яичница» остынетъ, то ее, конечно, не ѣдятъ, а кладутъ сначала на вѣсы и, записавъ вѣсъ въ книгу, заворачиваютъ въ бумагу и сверху помѣчаютъ о томъ, что этотъ кусокъ «яичницы» добытъ такого-то числа и года тамъ-то и что вѣсъ его такой-то.

Самая золотоносная земля подвозится сюда съ пріиска, который находится отсюда верстахъ въ трехъ. Тамъ, на самомъ пріискѣ, нельзя обрабатывать землю за неимѣніемъ воды. Работа не трудная: золотоносный пластъ достаточно мягокъ; бери лопату и копай безъ натуги; мѣсто сухое, такъ что, стоя по колѣно въ водѣ, работать не

приходится, какъ это нерѣдко бываетъ на многихъ пріискахъ. Самая земля желта, какъ охра. Работаютъ почти исключительно киргизы, которые тутъ же и живутъ въ своихъ до невозможности грязныхъ юртахъ со своими еще болѣе грязными женами и дѣтьми. Хозяинъ пріиска, видимо, не обижаетъ рабочихъ: кормитъ ихъ хорошо, давая вволю хлѣба и мяса; за работу платитъ по-Божески. Около того мѣста, гдѣ промываютъ золото, находится нѣсколько глубокихъ ямъ, наполненныхъ переработанной уже землей. Управляющій и туда васъ сводитъ и, если поинтересуетесь, то объяснить вамъ, что въ этой отработанной землѣ содержится очень много золота, но что его невозможно выдѣлать при томъ примитивномъ способѣ обработки, который практикуется не только на этомъ пріискѣ, но и на всѣхъ прочихъ, находящихся въ этой мѣстности; землю же эту теперь не бросаютъ, во-1-хъ, потому, что быть можетъ въ будущемъ хозяинъ пріиска рискнетъ поставить свой пріискъ на болѣе рациональныхъ началахъ, а во-2-хъ, еще и потому, что быть можетъ въ то время, пока хозяинъ, вращая перстами около своего чрева, будетъ раздумывать о затратахъ своего капитала для болѣе правильной постановки дѣла, найдется какой-нибудь нѣмецъ или еврей, который, не вращая перстами, купитъ за грошъ сначала остатки, а потомъ и самый пріискъ и заставитъ хозяина «утюжить» отъ досады себѣ бороду. Частенько подобное случается съ нашими «толстосумами».

Но довольно о пріискахъ, вотъ уже станція Караджалъ. Лошади готовы. Ямщикъ-киргизъ надѣлъ уже свой малахай, несмотря на то, что день очень жаркій, и ждетъ, когда вамъ заблагоразсудится сѣсть и ѣхать дальше. Вы садитесь, малахай тоже вскакиваетъ на облучекъ. «И-и-хо-хо-о-о!» лихо кричитъ онъ и пара топчихъ лошадокъ, ободренная этимъ молодецкимъ крикомъ, сразу пускается вскачь и съ версту отмахиваетъ полнымъ карьеромъ. Мелькаютъ телеграфныя столбы, поднимается облако пыли. «И-и-хо-хо-о-о», покрикиваетъ ямщикъ и помахиваетъ при этомъ кнутикомъ, не обращая вниманія ни на пыль, ни на тряску, отъ которой страдаютъ бока сѣдока. Кто любитъ бѣшеную ѣзду—тому пріятно.

Верстахъ въ 10 отъ станціи горы раздвигаются и открывается необъятный просторъ Зайсанской долины. До самаго горизонта распростерлась эта долина и кажется, что на краю ея небо слилось съ землей и дальше уже некуда идти.

Лѣвѣе дороги огромнымъ шатромъ высится Караджаль-гора, замѣчательная, во 1-хъ, своей формой, издали совершенно напоминающей палатку, а, во-2-хъ, потому, что про нее среди киргизъ существуетъ немало легендъ. Двѣ изъ этихъ легендъ мнѣ удалось узнать и ими теперь я подѣлюсь съ читателемъ, предоставляя ему судить о красотѣ киргизскаго народнаго эпоса.

Вотъ первая изъ этихъ легендъ: Давно, давно, когда киргизы не были грѣшны передъ Богомъ, и когда Богъ любилъ ихъ какъ дѣтей своихъ, Онъ далъ имъ силу и могущество и боялись ихъ тогда другіе народы, которыхъ Богъ любилъ не такъ, какъ киргизъ.

И далъ Онъ киргизамъ земли и царство ихъ простиралось отъ края до края земли.

Былъ тогда у нихъ мудрый ханъ, который правилъ всѣмъ царствомъ такъ хорошо и мирно, что всѣ были счастливы.

И позавидовалъ ему шайтанъ за то, что онъ хорошо правилъ и всѣ были довольны. И началъ онъ думать какъ бы повредить хану и его царству.

И началъ шайтанъ шептать ему на ухо: собери воиновъ земли твоей и поди съ ними къ народамъ, которые вокругъ тебя; убивай и жги все, что тебѣ попадетъ, и когда полонишь земли ихъ, то царство твое протянется отъ восхода до захода и отъ полуночи до полудня и не будетъ тогда другого хана на всей землѣ, который могъ бы равняться съ тобою силой и могуществомъ.

Послушался ханъ совѣта нечистаго. И возгорѣлся въ немъ духъ гордости. Собралъ онъ своихъ воиновъ и пошелъ съ ними полонить чужія земли.

Много народу перебилъ, много ауловъ разорилъ и сжегъ и много набралъ плѣнныхъ въ рабы себѣ, а когда кончилъ воевать, то приказалъ построить огромный и богатый шатеръ и созвалъ къ себѣ на пиръ всѣхъ сподвижниковъ своихъ.

Долго пировалъ ханъ съ сподвижниками въ шатрѣ; много кумысу выпили они и, наконецъ, хмѣль одолѣлъ ихъ. Захотѣлось хану и гостямъ его крови человѣческой, потому что всѣ они привыкли къ ней, когда полонили чужія земли.

Приказалъ тогда ханъ привести къ шатру всѣхъ плѣнныхъ, а воинамъ своимъ приказалъ обнажить мечи, чтобы рубить головы приведенныхъ. Но едва онъ отдалъ этотъ приказъ, какъ окаменѣлъ этотъ шатеръ и схоронилъ на вѣки подъ своимъ толстымъ каменнымъ кровомъ хана и его гостей.

И до сей поры стоитъ этотъ шатерь и бѣжить изъ подъ него чистый и прозрачный источникъ изъ слезъ, которыя проливаютьъ заключенные, оплакивая передъ Богомъ грѣхи свои.

Вторая легенда гласитъ слѣдующее: Жилъ былъ киргизъ-богатырь и у него было два сына—тоже богатыри. Пошелъ разъ младшій сынъ купаться въ Иртышъ и утонулъ въ рѣкѣ. Долго искалъ отецъ трупъ сына своего, но не могъ найти его въ быстрыхъ волнахъ.

И сказалъ онъ: надо запрудить рѣку, чтобы перестала вода струиться по камнямъ; очистится тогда русло рѣки отъ воды и я найду трупъ сына моего.

Началъ онъ тогда кидать въ воду камни и скалы, но сколько ни кидалъ, а вода все бѣжала и ревѣла, пѣнясь по обломкамъ скалъ.

Не осилить мнѣ рѣки, подумалъ старикъ и позвалъ сына своего, чтобы посоветовалъ ему—что дѣлать, чтобы остановить воду.

Пришелъ сынъ и увидѣлъ, что одними камнями не остановить воды и сказалъ онъ отцу: Батюшка! не осилить намъ рѣки; если будемъ кидать, тѣмъ свирѣпѣе она будетъ ревѣть и пѣниться; развѣ не видишь ты, какъ свирѣпѣетъ волна за то, что ты хочешь загородить ей дорогу, и теперь она сильнѣе тебя, потому что бѣжить черезъ преграду, которую ты ставишь ей; поставь же ей на дорогу большую гору и она смирится поредъ тобой.

Понялъ старикъ, что сынъ говоритъ дѣло, и начали они тутъ же искать большую гору, но сколько ни искали, а найти не могли, потому что кругомъ были не горы, а степи.

И сказалъ сынъ отцу: Батюшка! пойдѣмъ въ Тарбагатай, тамъ горы высоки и вершины ихъ небо на себѣ держать; возьмемъ одну такую гору и принесемъ сюда.

Послушался опять старикъ. Пошли они въ Тарбагатай, выломали тамъ огромную гору и понесли ее къ Иртышу.

Несли цѣлый день, а къ вечеру утомились, поставили гору, а сами легли отдохнуть.

Батюшка! сказалъ сынъ: ночь такъ тиха и прекрасна и звѣзды на небѣ горять и сонъ не смежаетъ очей моихъ, отпусти меня въ аулъ повидаться со своею возлюбленной.

Не пуцу, сказалъ отецъ, будешь ласкать женщину—сила пропадетъ. Какъ на утро понесемъ гору, когда силы у тебя не будутъ?

И поклялся сынъ, что не будетъ ласкать своей возлюбленной, и тогда отпустилъ его отецъ.

Утромъ вернулся сынъ и пошелъ съ отцомъ къ горѣ, чтобы нести ее къ Иртышу.

Взялся отецъ за свой край и поднялъ его; взялся и сынъ, но не могъ поднять его; сила оставила его, потому что не сдержалъ онъ клятвы своей.

И нашель тогда на отца гнѣвъ, и убилъ онъ тутъ же сына своего клятвопреступника, да и самъ съ тоски наложилъ на себя руку.

Такъ гора эта и до сего дня стоитъ все на томъ же мѣстѣ, потому что не было на свѣтѣ другого такого богатыря, который бы могъ сдвинуть ее. Вросла она на половину въ землю, но и теперь еще она выше всѣхъ сосѣднихъ горъ. Нѣкоторыя изъ этихъ горъ бѣлыя, потому что на нихъ вылилось молоко изъ груди матери богатыря, когда она, умирая, плакала надъ трупами мужа своего и сына.

Еще когда вы спускались по покрытымъ роскошными цвѣтами склонамъ сосѣднихъ съ Караджаломъ горъ, то вдали—верстахъ въ 15—вы должны были замѣтить какія то точки, сгруппированныя въ одномъ мѣстѣ на безконечно просторной долиинѣ. Эта группа точекъ, по мѣрѣ приближенія къ ней, растетъ и, наконецъ, передъ вами ясно начинается обрисовываться человѣческое обиталище со всѣми атрибутами, ему свойственными. Вы видите группу самыхъ разнообразныхъ домовъ, начиная съ глиняныхъ мазанокъ съ плоскими крышами и кончая двухъэтажными домами съ балконами и расписными ставнями. Видите небольшую бѣлую церковь, стоящую на пригоркѣ на площадкѣ, видите и мечеть съ блестящимъ на солнцѣ полумѣсяцемъ, видите, наконецъ, единственное деревцо, уныло зеленѣющее гдѣ-то на окраинѣ и какъ-бы приглашающее васъ взглянуть на него и вмѣстѣ съ нимъ потосковать надъ его одиночествомъ. Вамъ начинаютъ уже попадаться засѣянные поля, которыя не встрѣчались на протяжении 150 верстъ отъ самаго Устькаменогорска. А вотъ и поле, думаете вы и начинаете всматриваться въ него, рассчитывая испытать то радостное чувство, которое каждый испытываетъ при видѣ вспаханной нивы и золотистыхъ колосьевъ, растущихъ на ней. Но здѣсь едва ли охватить васъ это хорошее чувство, потому что это засѣянное поле, съ растущими на немъ вихрами хлѣба, заглушеннаго на половину плевелами, какъ нельзя яснѣе говоритъ вамъ о томъ, что тотъ человѣкъ, который пахалъ и сѣялъ его, дѣлалъ это не съ любовью, а какъ говорится, «спустя рукава». Выѣхалъ онъ въ поле, вскопалъ плугомъ первое попавшееся мѣсто и вскопалъ его крайне неряшливо, не-

брежно, не обриваявъ даже краевъ, посыпаль потомъ горстью зеренъ, да и ушелъ къ себѣ домой, видимо мало интересуясь тѣмъ, что у него на полѣ дѣлается. И растеть заброшенная пшеница; кормить ее неудобренная, но все же тучная, нива; жжетъ ее горячее южное солнце и, если не пошлетъ Богъ во время дождика, то оно спалитъ и пшеницу, и плевела, которые одинаково хорошо родить тучная почва. Какая же причина этого печальнаго явленія? Не кроется ли оно въ излишней нерадивости того же пахаря? Воздержимся, самое лучшее, отъ всякихъ категорическихъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ; скажемъ только одно, что весьма вѣроятно, что ваши личные разговоры съ мѣстными обывателями наведутъ васъ на печальныя по этому поводу сомнѣнія. Поѣзжайте въ любой носелокъ, или поговорите съ обывателями хотя бы, на примѣръ, о такомъ существенномъ для нихъ вопросѣ, какъ вопросъ о предстоящемъ урожаѣ. Въ большинствѣ случаевъ вы будете слышать все одну и ту же, какъ бы заученную, фразу: «а кто-жь его знать—мы ня знаемъ». На вопросъ же, гдѣ они достаютъ хлѣбъ—въ большинствѣ случаевъ вамъ отвѣтятъ: «покупаемъ». Почему хлѣбъ плохо родится—опять: «ня знаемъ», почему не кладутъ удобренія—«ня знаемъ» и т. д. Почему не садите у себя въ поселкахъ деревья? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ либо презрительной улыбкой—стоитъ ли, молъ, говорить о такихъ пустякахъ, либо, посмотрѣвъ удивленно вамъ въ глаза: вотъ, молъ, нашель о чемъ спрашивать, прибѣгнуть снова къ фразѣ, оканчивающейся отрицаніемъ «ня знаемъ». Вотъ, на примѣръ, хотя бы тутъ въ этихъ Какпектахъ—это одинокое, тоскливо пріютившееся на крайнѣ станицы, дерево своей зеленой и пушистой листвою говорить вамъ о многомъ. Оно говоритъ вамъ о томъ, что его взростила и вскормила мать сыра земля, и о томъ, что живущій тутъ человѣкъ ни разу не приложилъ рукъ своихъ, чтобы рядомъ съ нимъ посадить другое дерево, которое также бы раскинуло свои зеленыя вѣтви надъ его покосившимся домомъ и прикрыло бы его отъ жгучихъ лучей полуденнаго солнца. Оно говоритъ вамъ о тучности почвы и объ отсутствіи труда, и о многомъ, многомъ весьма грустномъ и печальномъ говорить вамъ это одинокое безпріютное и брошенное всѣми дерево.

Конечно, далеко не ко всѣмъ обитателямъ Сибири примѣнимо все то, что тутъ сказано. Есть тутъ много какъ коренного, такъ и пришлагаго населенія, которое какъ говорится: «живеть и Бога хва-

лить»; трудясь и работая, оно обставляет свой крестьянскій обиходъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо, добросовѣстно, и заслуживаетъ полного къ себѣ уваженія.

Вотъ небольшая рѣчка Какпектинка; въ ней расположилось стадо коровъ; нѣкоторыя изъ нихъ лежатъ въ водѣ, наслаждаясь прохладой подъ жгучими лучами солнца, нѣкоторыя не рѣшаются почему-то лечь и стоять, уныло и сонно обмахиваясь хвостами и пережевывая жвачку. Тутъ же на берегу играютъ полуголые темно-бронзовые киргизята; грязная баба идетъ съ ведрами за водой и, долго не думая, черпаетъ таковую въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ лежащей въ водѣ коровой.

Улица покрыта навозомъ и пылью; всклокоченный казакъ съ непроспавшейся фیزیономіей стоитъ у воротъ, почесывается и зѣваетъ; на балконѣ одного изъ домовъ попригляднѣе стоитъ почти безъ одежды какая то растрепанная женщина, съ выраженіемъ полной апатіи на заплывшемъ жиромъ лицѣ.

Вотъ почтовая станція; самоваръ; разговоры—опять эти неслосные «ня знамъ и покупамъ». Скучно въ этомъ заброшенномъ углѣ, обреченномъ на спячку и прозябаніе. Скорѣй въ степь на просторъ—тамъ все же свободнѣе....

Въ яркихъ краскахъ давно уже обрисованы американскія преріи, пампасы, и тому подобныя привольныя мѣста, приволье которыхъ такъ сильно манитъ къ себѣ юношескую фантазію; но зачѣмъ намъ ѣздить въ Америку въ погонѣ за этимъ привольемъ? Поѣзжайте хотя бы въ Зайсанъ и на пути отъ Какпектовъ до этого города, т. е. на протяженіи 260 вер., вы все время можете думать, что путешествуете по какой-нибудь американской преріи, на которой пасутся стада дикихъ буйволовъ и мустанговъ. Хорошо, быть можетъ, въ Америкѣ, но, смѣло могу сказать, что и у насъ не плохо. Мнѣ пришлось проѣхать Зайсанскую долину по разнымъ направленіямъ—и по почтовому тракту, и далеко въ сторонѣ отъ него верхомъ по едва замѣтнымъ, натоптаннымъ пасущимися табунами, тропинкамъ, и какое разнообразіе встрѣчалъ я всюду на этой безконечной и на первый взглядъ однообразной равнинѣ!

То вы ѣдете по совершенно опаленной солонцеватой почвѣ, на которой не растетъ ни одна былинка, то сразу вдругъ вѣзжаете въ густыя заросли чіа, который покрываетъ васъ съ лошадей, и вы ѣдете на протяженіи нѣсколькихъ верстъ сами не зная куда, ста-

раясь не потерять изъ виду еле замѣтную тропинку. Вы спросите, конечно: что такое этотъ чій? Чій—это высокая трава, имѣющая соломообразный стебель, оканчивающійся на верху густой метелкой. Сплошь и рядомъ этотъ чій достигаетъ болѣе сажени въ высоту и закрываетъ не только пѣшаго человѣка, но и всадника. Какова должна быть почва и каково солнце, которыя способны вскормить и взлелѣять подобную мощную растительность. Животныя не ѣдятъ чія и лишь только одинъ верблюдъ, который непрочь, кажется, питаться всѣмъ, чѣмъ угодно, не исключая и битаго стекла, не брезгаетъ и чѣмъ; лошади же ѣдятъ его иногда только зимой, когда ихъ уже сильно начнетъ одолевать голодь, а глубокий снѣгъ мѣшаетъ имъ откапывать покрытую имъ траву. Киргизы эксплуатируютъ чій, дѣлая изъ него особыя узорчатыя плетенки для своихъ юрть, но объ этомъ постараюсь сказать нѣсколько словъ послѣ. Въ настоящее же время, повидимому, чій играетъ огромную роль въ экономіи природы, такъ какъ, благодаря ему, съ каждымъ годомъ все растетъ и растетъ тучный слой перегноя, который, быть можетъ, и не въ очень далекомъ будущемъ будетъ давать обильные урожаи на нивахъ будущихъ пахарей.

И вотъ вы ѣдете по этому чію; сотни, а, быть можетъ, и тысячи крупныхъ бурыхъ оводовъ (паутовъ, какъ ихъ называютъ) преслѣдуютъ вашихъ лошадей, не давая и вамъ покоя. Вотъ вы выѣхали снова на полянку и передъ вами пасется огромный табунъ лошадей. Это почти тѣ же мустанги американскихъ степей. Попробуйте поймать одного изъ нихъ и навѣрно вамъ это не удастся. Но, положимъ, вы изловили его—попробуйте его осѣдлать; полагаю, что, если вы даже прошли высшую школу ѣзды, то она окажется безсильной, чтобы предотвратить васъ отъ паденія. Да и не ловите ужъ лучше сами «мустанга», а если вамъ такъ захочется это сдѣлать, то попросите одного изъ краснокожихъ доморощенныхъ «индѣйцевъ», которые все время пасутъ табунъ, гарцуя на своихъ поджарыхъ и неказистыхъ на видъ лошадакахъ. Вотъ передъ вами какая нибудь «кровавая рука» или «орлиный клювъ» въ образѣ киргиза. Присмотритесь къ нему: физіономія у него совсѣмъ мѣдно-красная, носъ орлиный, на головѣ малахай, который имѣетъ что-то общее съ головнымъ уборомъ индѣйца. Сидитъ онъ на лошади чортотъ, скачетъ на ней, не видя передъ собою препятствій. Онъ даже постоянно неразлученъ и съ лассо, которое приспособлено у него въ видѣ петли на концѣ длинной палки. Скажите ему, чтобы онъ

поймалъ вамъ любую лошадь изъ табуна, и онъ сдѣлаетъ это безъ особеннаго труда: на скаку онъ заброситъ ей на шею петлю съ такою же ловкостью, съ какою умѣлъ это когда-то дѣлать настоящій американскій «орлиный клювъ». Скажите ему; чтобы онъ сѣлъ на пойманнаго дикаря, привыкшаго къ волѣ и простору, и онъ вскочитъ на него и, не подумавъ о сѣдлѣ, будетъ носиться по степи, пока конь не устанетъ и не обойдется.

А вотъ тамъ далеко, далеко на горизонтѣ видны какія-то точки. Вы ѣдете къ нимъ и мало-по-малу точки эти преобразовываются въ какіе-то купола—это юрты, въ которыхъ кочуютъ киргизы. Подѣзжайте къ нимъ, и вы встрѣтите идилію въ полномъ смыслѣ этого слова. Вотъ опять полуголые ребятишки играютъ въ какую-то совершенно вамъ незнакомую игру; вотъ молодая, довольно милостивая, хотя и грязная, киргизка (какая нибудь «Кумышпанка» — въ переводѣ серебро—имя, довольно распространенное среди киргизскихъ женщинъ) варитъ въ кругломъ чугунномъ котлѣ какую-то пищу; вѣроятно, готовить обѣдъ. Если вы любопытствуете, что она варитъ и спросите ее, то она застыдится, скажетъ вамъ: «бельмей» (не понимаю) и начнетъ даже закрываться отъ васъ широкимъ рукавомъ своей одежды. Посмотрите тогда въ котель сами и увидите, что варитъ она квашеное молоко, которое и составляетъ главный продуктъ питанія киргизъ лѣтомъ. Когда молоко сварится, она перельетъ его изъ котла въ деревянное, грязное и засаженное ведерко и поставитъ тутъ-же въ юртѣ, а въ котель нальетъ еще молоко и снова начнетъ варить, заготовляя такимъ образомъ запасъ для своей семьи.

Вотъ старая и безобразная киргизка сидитъ около одной изъ юртъ и ткеть на первобытномъ станкѣ длинныя и толстыя шерстяныя тесемки, которыми она потомъ обмотаетъ свою юрту, чтобы вѣтеръ не сдувалъ съ нея кошмы. И вообще много, много интереснаго и новаго встрѣтите вы, пробывъ хоть нѣсколько минутъ среди этихъ полудикихъ людей, которые по всей вѣроятности ничего, кромѣ своей бѣдной юрты — лѣтомъ и сложеннаго изъ камней зимовья—зимой, не видали.

А вотъ на краю кочевья расположилась группа молодыхъ дѣвушекъ. Лица ихъ дышатъ здоровьемъ, кровь играетъ на розовомъ загарѣ щекъ, черные глаза блестятъ, какъ угольки. Онѣ веселы; ничто ихъ не тревожитъ и не заботитъ. Онѣ смотрятъ на васъ, когда вы проѣзжаете, улыбаются, какъ бы желая сказать что-ни-

будь смѣшное. Наконецъ, одна изъ нихъ рѣшается и кричить вамъ въ догонку, вѣроятно, какой-нибудь комплиментъ съ ногъ спибательнаго свойства. Вы оборачиваетесь; всѣ онѣ раздражаются громкимъ смѣхомъ и убѣгаютъ.

Тутъ-же пасутся большія стада барановъ, козъ и коровъ. Бараны ходятъ переваливаясь, таща за собой свои жирные курдюки; рогатый скотъ крупень и мясистъ; все это усиленно занято поглощеніемъ сочной степной травы. Стадо управляется пастухомъ, который важно возсѣдаетъ на спинѣ одной изъ коровъ и на ней-же совершаетъ объѣзды вокругъ пасомыхъ имъ четвероногихъ; онъ произноситъ время отъ времени какіе-то гортанные непонятные возгласы, а то вдругъ во всю глотку затынетъ какую-то пронзительную и визгливую мелодію, въ которой онъ, быть можетъ, выхваляетъ жирный овечій курдюкъ, всегда болтающійся у него передъ глазами, а, быть можетъ, и черныя очи своей «Кумышпанки», которая гдѣ нибудь въ юртѣ ожидаетъ, пока ея возлюбленный выплатитъ условленный заранѣе родителями «калымъ», въ видѣ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, овецъ и верблюдовъ.

А вотъ вдали отъ стада пасутся флегматичные верблюды. Они почему то никогда не ходятъ совмѣстно съ прочими животными. Быть можетъ, сознавая свое безобразіе, они боятся оскорбительныхъ для себя лошадиныхъ, коровьихъ, овечьихъ каламбуровъ и пасмѣшекъ. Они скромненько собрались вдали отъ стада и, наклонивъ свои длинные и изогнутыя шеи, щиплють траву. Одинъ изъ нихъ поднялъ свою безобразную морду, на которую нельзя смотрѣть безъ жалости, уставилъ на васъ свои кроткіе глаза и, двигая изъ стороны въ сторону нижней челюстью, пережевываетъ жвачку, показывая длинные, желтые и безобразные передніе зубы.

Во всемъ этомъ виденъ полный покой и полное довольство — тѣ данныя, при наличности которыхъ всегда счастливо и беззаботно протекаетъ жизнь человѣческая. Промелькнетъ сначала счастливое дѣтство, минуетъ юность всегда съ сопутствующими ей радостями первой и чистой любви, а тамъ смотришь подкралась уже неутолимая старость, заставляющая человѣка подводить итоги жизни. Но гдѣ же эти итоги? Ихъ нѣтъ въ данномъ случаѣ. Жизнь текла хотя и беззаботно, но за то до тошноты однообразно: степь, юрта, зимовье, кумысъ, бараній жирный курдюкъ — вотъ всѣ ея итоги и стремленія: не было ни сильныхъ ощущеній, ни борьбы, ни нрав-

ственныхъ страданій, не было ничего такого, чѣмъ долженъ жить человекъ и на чемъ онъ долженъ воспитываться, дабы познать задачи своего призванія къ жизни. Такъ философствуютъ люди культуры; не такъ смотря на жизнь свободныя дѣти степей. Кто правъ—не знаю.

Но довольно размысленій на грустныхъ темы. Чаша жизни и безъ того достаточно горька, не надо подливать въ нее еще горечи. Посмотримъ лучше по сторонамъ, не встрѣтится-ли намъ чтонибудь еще интересное среди простора степи? Вотъ тамъ далеко въ сторонѣ надъ чѣмъ-то копаются двѣ человѣческія фигуры. Пойдемте посмотрѣть, что онѣ дѣлаютъ. Оказываются двѣ женщины: одна старуха, другая молодая; онѣ трудятся надъ постановкой юрты.

Прежде всего онѣ поставили на землю по кругу особые переплеты, сдѣланные изъ тонкихъ и легкихъ планочекъ. Эти переплеты, какъ равно и всѣ остальные части юрты, зимою сохранялись тщательно сложенными подъ навѣсомъ около зимовья, а лѣтомъ ихъ нагружаютъ на верблюда и перевозятъ съ мѣста на мѣсто. И онѣ поставили по кругу переплеты. Ихъ высота доходитъ до двухъ аршинъ; діаметръ-же образованнаго ими круга въ среднемъ около 12 арш. Затѣмъ онѣ начали привязывать къ верхнимъ концамъ переплета особыя, тонкія и длинныя искривленныя палки, утвердивъ предварительно вверху—въ центрѣ будущей юрты—большой деревянный обручъ, имѣющій около двухъ аршинъ въ діаметрѣ. Этотъ обручъ называется «чаноракомъ» и назначеніе его служить верхнимъ и единственнымъ окномъ юрты. По наружной окраинѣ чанорака продѣланы гнѣзда, въ которыя и вставляются верхними своими концами вышеозначенныя длинныя палки. Когда эти послѣднія укрѣплены, остовъ юрты окончательно готовъ; остается накрыть его какойнибудь покрывкой.

Для этого прежде всего берется особая плетенка, сдѣланная изъ стеблей чіа, между которыми съ помощью разноцвѣтныхъ, грубыхъ, шерстяныхъ нитокъ выплетены разные узоры, не лишеныя красоты и оригинальности. Все это, конечно, самодѣльное. Эти плетенки навѣшиваются снаружи остова по тѣмъ переплетамъ, которые стоятъ вертикально по кругу. Послѣ этого берутся обыкновенныя войлочные кошмы и ими юрта окутывается со всѣхъ сторонъ, а чтобы онѣ не падали, поверхъ кошмъ юрта обматывается по различнымъ направленіямъ тѣми самыми длинными шерстяными тесемками, приготовленіемъ которыхъ была занята старуха киргизка,

которую вы уже видѣли работающею за первобытнымъ ткацкимъ станкомъ. Верхній кругъ—чаноракъ—всегда остается на половину открытымъ и только въ ненастье его закрываютъ. Днемъ черезъ это отверстіе прсникаетъ въ изобиліи свѣтъ, а ночью видно усѣянное звѣздами небо, какъ бываетъ оно видно въ отверстіе купола какой нибудь обсерваторіи. Дверь въ юрту замѣняется кускомъ кошмы или коврикомъ. Вотъ и вся установка юрты.

Случается нерѣдко такъ, что установленную уже юрту необходимо почему либо переташить на другое мѣсто по близости; тогда нѣсколько женщинъ, войдя во внутрь юрты, поднимаютъ послѣднюю, взявшись за переплеты и тащатъ ее куда надо. Снаружи видны тогда только ихъ передвигающіяся ноги и кажется, что какая-то чудовищная черепаха совершаетъ передвиженіе по землѣ.

Внутренняя обстановка юрты въ большинствѣ случаевъ грязна и непривлекательна: грязныя постели, покрытыя рванымъ тряпьемъ и слегка возвышающіяся надъ уровнемъ почвы, располагаются у стѣнъ; тутъ-же стоятъ сундуки съ домашнимъ скарбомъ; разбросаны въ безпорядкѣ разныя кухонныя принадлежности: чашки, котлы, чайники, а иногда и самоваръ. Все это производитъ впечатлѣніе грязной пестроты и бѣдности. Въ нѣкоторыхъ юртахъ плетенками, сдѣланными изъ того-же чіа, отгораживается особое помѣщеніе и въ немъ ставится турсукъ (кожаный мѣхъ) съ кумысомъ. Лучше никогда не заглядывайте во внутрь этого мѣха; иначе получите отвращеніе къ кумысу, а онъ для здоровья очень и очень полезенъ.

Вотъ обстановка киргиза средняго достатка; у богачей-же, владѣющихъ табунами въ нѣсколько тысячъ голосовъ, юрта изукрашена коврами, мутаками, подушками и прочей роскошью.

Но всѣ картины, подобныя вышеописаннымъ, вы увидите только въ томъ случаѣ, если сядете верхомъ и поѣдете по степи не по почтовому тракту, а далеко въ сторонѣ отъ послѣдняго. Ызда-же по почтовой дорогѣ ничего особеннаго не представляетъ. Правда, ѣдучи на почтовыхъ, можно любоваться горной панорамой далекаго Тарбагатая, который могучимъ хребтомъ протянулся къ югу отъ дороги. Въ особенности хороши эти горы раннимъ утромъ, когда восходящее солнце начинаетъ слегка румянить ихъ фіолетовыя вершины, когда воздухъ прозраченъ и чистъ до безконечности и когда жизнь въ степи пробуждается послѣ ночного отдыха. Чѣмъ ближе вы подѣзжаете къ Зайсану, тѣмъ горы вырисовываются

яснѣ и яснѣ. Къ Тарбагатаю присоединяется параллельный ему скалистый Монракъ, и дальше на самомъ горизонтѣ къ востоку начинаетъ постепенно обрисовываться могучій Сауръ. Взгляните по направленію къ сѣверу и въ той сторонѣ временами мелькнетъ серебристая поверхность воды. Это озеро Зайсанъ. Оно какъ-бы стыдится показать вамъ издали всю свою прелесть и, какъ застѣнчивая дѣвушка, старается все время скрыться отъ васъ и покажется вамъ во всей красѣ только тогда, когда вы подойдете къ нему вплотную. А за нимъ далеко далеко, чуть уловимыми для глаза силуэтами обрисовываются отроги Алтая, который на сотни тысячъ квадратныхъ верстъ надавилъ землю своей необъятной массой.

Хорошо здѣсь: воздухъ чистъ, люди добры и у васъ на душѣ становится свѣтло и радостно, какъ будто-бы душа ваша начинаетъ соприкасаться съ чѣмъ-то неизъяснимо прекраснымъ, о чемъ только можно мечтать и догадываться, живя среди вѣчной житейской сутолоки и суеты.

Л. Бѣльковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

